

БРАТ

(Неизвестная страница истории демидовской Тулы)

Наверно, у каждого историка есть замыслы, которые он собирается, но долгое время не может воплотить в текст. Они не отпускают годами, но что-то отодвигает их от осуществления снова и снова.

В многолетних занятиях жизнью и деятельностью Демидовых особенно пристальный наш интерес неизменно вызывали ранние страницы истории этого рода. Многие из них не только не прочитаны — они еще недоступны для чтения. На одной из них — история ближайшего родственного окружения Никиты Демидовича Антюфеева, будущего Демидова. Предание говорит, что у него были два брата, так и оставшиеся до конца дней Антюфеевыми. Высказывалось мнение, что их потомки дожили по меньшей мере до второй половины XIX в. Кто они, эти братья, которым не досталось даже мизерной части демидовской славы?

Вопрос, заметим, далеко не праздный. Никита, как известно, — выходец из низов. Почему ему удалось подняться над уготованным ему рождением местом в обществе, а другим, близким ему по задаткам и условиям развития, — нет? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно восстановить детальную картину событий, реконструировать портреты их участников, особенно желательно — стартовавших с одних с ним исходных позиций. Братья, если такие были, лучший материал для сравнения.

Впервые документальное подтверждение существования одного из них — Семена — отыскал в опубликованных еще до революции сенатских документах, пожалуй, самый авторитетный историограф Демидовых советской поры Б.Б. Кафенгауз. Почти семьдесят лет его находка была единственным подтверждением существования этого человека, которого без ссылок на исторические источники упоминали первые биографы Демидовского рода. Но, вынырнув на мгновение из небытия, этот Семен долгое время оставался неуловимым. Для нас — в том числе.

Осознаем, что назвав историческое лицо «неуловимым», выставляем себя в невыгодном свете. Любой опытный архивист скажет: горожане той (петровской) эпохи оставили множество документальных следов. Но факт остается фактом: Семен Антюфеев в просмотренных документах, касавшихся истории Тулы второй половины XVII — первой четверти XVIII вв., годами не встречался. А искать его направленно решимости не хватало — снова и снова отвлекало другое, представлявшееся более важным.

Но недавно один связанный с ним документ на глаза все же попался. Ознакомившись с ним, мы решили не откладывать его публикацию. Пора представить читателю рядового человека XVIII столетия, кое-что приоткрывающего в загадке феномена человека нерядового.

1. Небратские объятия братьев Антюфеевых

Еще тульский историк первой половины XIX в. И.Ф. Афремов обратил внимание на живших в его время в Чулковой слободе Тулы оружейников Антюфеевых — потомков, как он полагал, неизвестного ему по имени брата Демида Антюфеева¹. Позднее Е.П. Карнович и К.Д. Головщиков почти одними словами писали, что «в Туле и поныне еще существуют однородцы Демидовых, мещане Антюфеевы, к которым по закону могло бы перейти все состояние Демидовых, если б род их пресекся в мужском и женском коленах»².

В документах XVIII в. тульские жители с фамильным прозвищем Антюфеевы (иногда в близких по написанию вариациях) встречаются довольно часто.

Можно предположить, что все они — представители одного разветвившегося рода. Но именно предположить. Из упоминаний уверенно реконструируются родственные цепи длиной до четырех поколений. Однако свести всех носителей этой «фамилии» в один род пока не удастся.

Выделение Никиты Демидова из рода Антюфеевых произошло на рубеже XVII—XVIII вв. К сожалению, пока не выявлено ни одного документа, в котором рядом с ним были бы упомянуты и названы по именам его братья. Между тем, об их существовании сообщают историки и генеалоги XIX в. Г.И. Спасский, К.Д. Головщиков и другие. Их имена — Семен и Григорий — попали и в родословную Демидовых, составленную Платоном Александровичем Демидовым³.

Как уже упоминалось, Б.Б. Кафенгауз обратил внимание на давно опубликованный документ с упоминанием о ссоре Семена Демидовича и Никиты Никитича Евтифеевых, первого из которых уверенно отождествил с братом Никиты Демидова, второго — с его сыном. Остановимся на этом подробнее.

Прежде всего, исправим одну ошибку, по происхождению — скорее всего опisku или опечатку. Б.Б. Кафенгауз пишет, что дело рассматривалось в Сенате в 1710 году⁴. Последнего просто не могло быть — в этом году Сената еще не существовало, соответственно, никакие дела в нем не рассматривались. Доклад опубликован в томе сенатских докладов и приговоров, относящемся к 1712 году.

Дело началось с доношения, поданного в Туле полковнику князю Григорию Ивановичу Волконскому Тульской оружейной слободы кузнецом Семеном Демидовым Евтифеевым 9 апреля 1712 г. В докладе изложены подробно это доношение и кратко — допросы Никиты Евтифеева и жены Семена Федосьи Козминой. Не все детали освещены в нем достаточно подробно, тем не менее, из него можно извлечь немало любопытного о Семене, его занятиях и положении в обществе.

Доношение Семена Антюфеева (здесь и далее используем доминирующую форму фамильного прозвания) начинается с его признания в совершении двух преступлений. «Первое его преступление, не познав закона своего, покинул жену свою первую и женился на другой жене, и ныне он признал, что не по закону принял другой брак». Раскаившись «по тому своему преступлению», Семен, якобы, решил постричься в монахи, но не постригся, вдохновленный внезапно открывшейся возможностью послужить государю: он «уведомился, что пропадет его великаго государя казны на купецких людях многое число и желает он Семен ему великому государю прибыль учинить и с тех купецких людей ту казну собрать»⁵. Второе преступление, в котором признался челобитчик, касалось неплаты им налога на внутренних таможах. Опустив детали, отметим, что Семен активно занимался торговой деятельностью.

Далее следуют два эпизода, демонстрирующих родственную связь и одновременно родственный конфликт, в который был втянут наш Семен Антюфеев. Он говорит о выписях таможенных застав, которые, по его признанию, бурмистры давали ему незаконно с условием, что позже он их вернет (вероятно, чтобы уничтожить). Семен не возвращал, хранил. Имел место только один случай утраты: «А одна у него выпись пропала Тульской таможи дачи 707 года в прошлом 710 году 1-го генваря как приезжал к нему Никиты Демидова сын его Никита на Москве на наемный его двор, собрався со многими людьми и взяв его и жену его Федосью Козмину дочь и сундуки его с платьем и со всякими письмами и с деньгами привез к себе на двор и пожиток его весь оставил у себя в доме, а его отвезли в Приказ Артиллерии»⁶.

Если Никита (Демидов) и Семен Антюфеевы родные братья (заметим, что прямо об этом нигде не говорится), то Никита Никитич, конфликтующий с Семеном Демидовичем, — племянник последнего. Как видим, у Семена имелся на Москве наемный двор, где он жил вместе с женой (из последующего узнаем, что двор у него был и в Туле). Ее звали Федосьей Козминой дочерью, но первая ли это, им оставленная жена, или новая — из текста не ясно. На московском дворе

хранились сундуки с ценным имуществом — платьем, письмами (документами), деньгами. Никита Демидов-сын действовал весьма решительно: сундуки оставил у себя, а дядю отправил в Приказ артиллерии. Зачем и что с ним там происходило — в докладе не разъяснено.

С этим эпизодом связан второй:

«...Да он же Никита в 710 году выбоили на Туле у жены его железа 1100 пуд и прислал на письме будто его великаго государя какой к нему Семену гнев есть, и призвали ее к себе на двор и прочли ей то письмо, а в руки не давали, и то его железо перевезли к нему Никите на двор, и то его железо продал он Никита половину на Туле, а другую отvez к Москве и продал без пошлин»⁷.

Что дело было, может быть, и не совсем так, как рассказал Семен (а может и совсем не так), позволяет подозревать включенное в доклад резюме одного из допросов. Цитата: «а законная его ответчикова жена⁸ сказала, что пожитки свои и железо привозила в дом к отцу его ответчикову на сбережение сама и пожитки свои она взяла, а за железо взяла по договору деньги сполна»⁹.

Изложенная история, помимо прочего, интересна тем, что вскрывает далеко не братские отношения, сложившиеся между сыновьями Демида Антюфеева. Вскрывает, отвечая на следующий вопрос, который ранее мы уже задавали¹⁰. Если Никита Демидов формировал систему приказчиков, последовательно выдвигая на роли важнейших из них своих родственников, то почему столь же последовательно избегал Антюфеевых?¹¹ Вот и возможный ответ: потому, что братья Демидовичи находились в состоянии ссоры. Едва ли температура конфликта все время была так высока, как в 1710—1712 гг., но неприязнь между ними могла сохраняться долго.

Скорее всего, именно с этой историей связано временное исчезновение Семена: в персписной книге Тульской оружейной слободы 1715 г. сказано, что он «с Тулы бежал в [1]712 году». Приговор Сената не сулил ему, взятому под караул в Туле на Оружейном дворе, ничего хорошего. Было приказано по делу о двосженстве отослать его к Коломенскому архиепископу, после чего за нарушение таможенных правил «учинить» указ также и по торговому уставу¹². Семен пребывал в бегах минимум три года — с 1712 по 1715 г. Однако в 1723 г. видим его вполне вышедшим из тени.

2. По пути брата

Итак, знаем, что Семен Антюфеев торговал, не знаем только чем. Единственный товар, о котором упоминается в источнике — железо. Но и о нем можно сказать только то, что Семен хранил на своем дворе относительно большую его партию. Как оно попало к нему (соответственно, владел ли он собственными горнами) и что он намеревался с ним делать — из текста не ясно.

Из приводимого ниже указа Берг-коллегии следует, что он занимается поиском руд, следовательно, намерен был разрабатывать их, следовательно, с высокой вероятностью, намеревался создавать перерабатывающие мощности.

Решение, сообщающее о направлении, в котором Семен намеревался в ближайшем будущем профессионально реализоваться, Берг-коллегия вынесла в 1723 г. В книгу приговоров коллегии оно внесено под номером 522. Приводим текст этого ранее неизвестного документа полностью.

1 ноября 1723 г. **Определение Берг-коллегии о даче С. Антюфееву¹³ указа о свободном «приискивании» различных руд**

По указу его императорского величества Берг-коллегия, слушав доношения тульского кузнеца Семена Антифеева, согласно приговорили, что он, Антифеев, к сысканию руд имеет охоту и объявляет в челобитье своем, что обыскал в Смоленской губернии в Мосальском уезде железную руду, да в Новгородской

правинции в Старорусском уезде от реки Полы вверх по реке Ловати, и объявляет различныя каменья и земли также и в иных местах. А без указа де из Берг-коллегии от посторонних людей он брать тех руд опасен. Того ради ему, Антифееву, для свободного бранья найденных руд и ради приискивания в других местах дать из Берг-коллегии указ с прочетом и печатную привилегию, которой указ иметь ему с сего числа впредь год. И где какие руды приищет, оных, накопав ис каждого места фунтов по пяти и описав те места, имянно отдавать в городе воеводам для отсылки в Санкт-Петербурх в Берг-коллегию или в Москву в обер-бергамт. А ежели он пожелает те руды объявить сам, и ему, Антифееву, со оным указом явитца, где способнее. И по оному данному из Берг-коллегии указу ему, Антифееву, для своих прихотей нигде подвод и работников не требовать и обид никаких никому не чинить. А по прошествии от сего числа года велеть ему, Антифееву, оной его императорского величества указ подать в Берг-коллегию или в Москве в обер-бергамте. А ежели он за указным временем с тем указом где явитца, и по тому указу действия никакого не чинить и отсылать сво для объявления в Берг-коллегию, и о том в том указе написать имянно.

У подлинного приписано тако: Михайло Аврамов. Винцент Райзер. Алексеи Зыбин. Обер-секретарь Иван Молчанов.

Под текстом помета: Взя Алексе[й] Соколов.

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 94. Л. 703 об. — 704.

1723 год, к которому относится этот документ, — время, когда Никита Демидович Демидов приблизился к высшей точке своего успеха (ее поставила его неожиданная смерть два года спустя). Он разведал и закрепил за собою руды во множестве мест Российской империи и один за другим строил заводы по их переработке. Как видим, Семен Антифеев пытается в это время реализовать тот же сценарий развития в надежде хотя бы отчасти повторить успех брата.

Он собирается искать руду, из чего заключаем, что он владеет (или позиционирует себя соответствующим образом) знаниями и навыками, необходимыми для занятий рудоискательством. Больше того, железную руду он, вроде бы, уже в нескольких местах нашел. В этой ситуации логичнее было бы просить разрешения на строительство завода для ее переработки. Но то ли найденная руда была недостаточно хороша, то ли финансовых ресурсов для строительства у Семена не хватало. Семен намеревался продолжить поиски.

Но для чего ему потребовался указ, о котором говорится в определении? Чтобы получить разрешение искать руды? Просить об этом у властей уже несколько лет не требовалось. Такое право всем подданным российской короны даровала берг-привилегия (в определении она упомянута), утвержденная 10 декабря 1719 г. В ней, в первом ее пункте, было сказано: «Соизволяется всем, и каждому дается воля, какого б чина и достоинства ни был, во всех местах как на собственных, так и на чужих землях искать, плавить, варить и чистить всякие металлы, сиречь: золото, серебро, медь, олово, свинец, железо, також и минералов...»¹⁴.

О льготах, облегчающих работу или отсекающих конкурентов, в нашем документе тоже не упомянуто. Напротив, специально оговаривается, что по ходу дела рудоискатель не должен просить для себя чего-то особенного — подвод, работников и т.д.

Остается поверить причине, указанной в определении. Без документа Семен опасался проводить изыскания на чужих землях («...от посторонних людей он брать тех руд опасен»). И опасался не напрасно, поскольку принадлежал к среде, представителя которой, начавшего рыть землю на чужом поле или в лесу, можно было без труда выгнать вон. (Еще и потому, что берг-привилегия была новым документом — в «глубинке», где предстояло вести разведки, о ней, кроме, в лучшем случае, представителей воеводской власти, не знали.)

Отметим в определении одно не вполне понятное нам место. Оно предписывало: в случае появления Семена где-то позже года со дня его вынесения,

действий по указу не чинить, Семена же отослать в коллегии или подчиненную ей московскую структуру. Если указ ничего (сверх обещанного бессрочно действовавшей берг-привилегией) Семену не предоставлял, каких действий не следовало совершать позже? И вообще: в чем состоял смысл срочного ограничения? Единственное, что приходит в голову — что Берг-коллегии деятельность С. Антюфеева в качестве рудознатца была чем-то несимпатична, и, не имея возможности прямо ему мешать, в ней решили предоставить просителю минимум из того, что нельзя было не предоставить.

Если коротко подвести итог сказанному, то картина нарисуеться такая. Берг-коллегии в качестве деятеля по ее профилю известен не только Никита Демидов и его дети, но также и брат Семен. Последний, однако, интереса для нее не представляет: она ему не способствует и не мешает. Семен же с деятельностью рудознатца явно связывает какие-то свои планы. Какие?

Ответа на это вопрос пока нет. Имеющиеся на сегодняшний день сведения о Семене Антюфееве исчерпаны.

3. Потомки Семена Антюфеева

Единственную известную нам попытку установить потомков Семена Антюфеева предпринял С.В. Трофимов. По переписной книге Тульской оружейной слободы он определил имена и возраст одной из его жен (Анна Кондратьевна), трех сыновей и двух дочерей; также ему был известен сын Андрея Козьма¹⁵. Сведений о перечисленных, кроме прихода, к которому в 1740-х гг. принадлежала семья Андрея, и предположительно отнесенных к нему же данных о владении в Туле домницей, выявить ему не удалось.

Нижеследующее существенно расширяет эти скудные сведения. Рассмотрим эти данные еще и потому, что они косвенно свидетельствуют о том, к чему стремился Семен Антюфеев — основатель этой веточки рода.

Итак, именно он, брат Никиты Демидова, был отцом Андрея Семеновича Антюфеева — об этом говорят и данные переписной книги Тульской оружейной слободы 1715 г., и тот факт, что других подходящих по имени отцов в роду Антюфеевых не обнаруживается.

Семен имел трех сыновей — Ивана 12 лет (на 1715 г.), Андрея 11-ти и Алексея 9-ти, двух дочерей — Марину 17-ти и Матрену 12-ти¹⁶.

О старшем, Иване, известно только то, что он был «крив глазом».

Год рождения среднего, Андрея, источники дают разный, впрочем, не сильно отличающийся. В переписной книге 1715 г. он отмечен 11-летним, в книге второй ревизии по Туле (ее данные соответствуют 1743–1744 гг.¹⁷) — 42-летним. В первом случае в качестве года рождения получаем 1704, во втором 1701–1702 годы. Андрей состоял в тульских оружейных казенных кузницах. Самое раннее свидетельство о его профессиональной специализации — известие 1715 г. о том, что он, 11-летний, записан «по нынешнему разбору» в ученики замочного дела.

На момент второй ревизии семья Андрея принадлежала к приходу церкви Рождества Христова, что в Казенной слободе Тулы. Вероятно, Андрей Семенович Антюфеев тождественен обнаруженному нами в ревизской сказке 1762 г. Андреяну Семеновичу Антюфееву, промышленнику по второй ревизии, а позднее тульскому купцу, умершему в 1758 г. Андреян Антюфеев был женат на Настасье Ивановне (рожд. 1700 г.), дочери елатомского купца Масленникова и имел от нее сына Козьму (о нем ниже) и дочь Акулину (рожд. 1735), вышедшую замуж за тульского купца Корнея Солодовникова.

Если наши построения верны, то Андрей (Андреян) Антюфеев — двоюродный брат Акинфия Демидова, а его дети Козьма и Акулина — троюродные брат и сестра Прокофию, Григорию и Никите Акинфиевичам, Евдокиму Никитичу и прочим представителям этого поколения демидовского рода.

Документы Берг-коллегии сохранили сведения о промышленном хозяйстве Андрея Антюфеева. Сразу отметим, что, судя по ним, промышленное производство было пущено им самостоятельно, а не получено от отца. Из этого заключаем, что предпринимательские планы последнего, если и реализовались, то не в полной мере. Устойчиво работающего хозяйства, которое он бы смог передать по наследству, Семен Антюфеев не создал.

С 1726 г. сбором металлургического налога с железопромышленников Тульской оружейной слободы ведал Никита Никитич Демидов, сын основателя промышленной династии¹⁸. Сохранилась «Табель о выходе кричного железа и о работе в 727 году в ручных домнях казенных промышленников и кузнецов, которая сочинена и[з] сказок, поданных в Тульской оружейной канторе...». В этом документе имеются сведения и о горнах, принадлежавших оружейнику А.С. Антюфееву¹⁹. Приблизительно к тому же времени относится «Опись ручным домням и кузнецам в казенной слободе у казенных промышленников и кузнецов». В ней также присутствуют сведения о хозяйстве А.С. Антюфеева (названного здесь «промышленником»), включавшем в то время одну домню²⁰, четыре горна и две кузницы, в одной из которых изготавливался уклад²¹.

Обширные сведения о тульских промышленниках-металлургах, включая мелких, были собраны в 1733—1734 гг. во время проведения так называемого Следствия о партикулярных заводах. Среди документов — сказка А.С. Антюфеева²². В ней также сообщается, что в Туле, «в доме своем», он имеет ручной железный завод, который в 1728 г. построил сам, без указа²³.

Итак, Семен Антюфеев не смог даже в сильно уменьшенной степени повторить успех своего брата, хотя, кажется, и пытался это сделать. Его сын Андрей, племянник Никиты Демидова, достиг большего: сумел выбиться в железного дела промышленники Тульской оружейной слободы. Выбившись, оставался, однако, в группе наиболее мелких заводчиков. За 6 лет (с 1727 по 1732 г.) он получил всего 844 крицы железа-сырца. Хуже него во всей слободе сработал только один промышленник — М.И. Попов²⁴.

4. Окончательный крах: «И быть ему с протчими вертелщиками»

Если отождествление Андрея и Андреяна кажется нам вполне корректным, то с Антюфеевым Козьмой Андреевичем дело обстоит сложнее. В книге второй ревизии упомянуты два близких по возрасту тульских оружейника с таким именем, отнесенные к разным семьям и имеющие разных отцов.

Первый Козьма — сын Андрея (Андреяна) Семеновича Антюфеева. В книге второй ревизии он записан под номером 453 (отец — № 452) в разделе «Тульские оружейные казенные кузнецы», подразделе «В приходе церкви Рождества Христова». Рожденному после первой ревизии, на момент второй ему было 15 лет, из чего заключаем, что родился он в 1730 или в 1731 году²⁵. В июле 1763 г. он был жив. Хозяйствовал во дворе, отдельно от того, в котором жили замужняя сестра и вдовья мать²⁶.

Второй Козьма Антюфеев — представитель другой ветви рода. И номер в книге второй ревизии у него другой — 503. Этот Козьма — сын Андрея Игнатьевича Антюфеева (№ 502), 1705–1706 года рождения. По возрасту он близок к своему тезке под № 453: в той же ревизской книге ему 12 лет, то есть родился он в 1733 или 1734 г. Живет с отцом, внесен в книгу в те же раздел и подраздел, что и тезка²⁷.

Записать налогоплательщика дважды под разными номерами в ходе ревизии не могли, поэтому приходится констатировать, что имеем дело с разными людьми. Это тем более огорчительно, что имя Козьмы Антюфеева мелькает в разных документах. Так, на специальном плане участка 18 квартала 3-й части Тулы, в легенде, в списке «старых» дворов под № 5 указан двор «Кузмы Антю-

феева, отведено 25 место». (На плане новое 25 место примерно соответствует старому 5-му.) Участок выходит в переулочек, на том плане не поименованный, но, с учетом других, предположительно определяемый как Чуев. Ближайшие старые владельцы соседних с Антюфеевским дворов: оружейники Медведевы, Горбуновы (в том числе, Василий), Анна Данилова, жена Филиппа Гладкого Анастасия, жена Прокофия Филина Пелагея²⁸. Документ датирован 18 июля 1790 г., из чего заключаем, что владелец участка (соответственно, один из тезок) был в это время жив.

Имеется даже небольшое, но в своем роде весьма любопытное архивное дело, действующим лицом описанных в котором событий 1755 г. был Козьма Андреев сын Антюфеев, сын Андрея Семеновича или Андрея Игнатьевича — неизвестно. Познакомим с ним, поскольку, во-первых, «героем» мог быть интересующий нас внук Семена Антюфеева, во-вторых, потому, что оно само по себе достаточно характерно для той эпохи, места и среды.

7 апреля 1755 г. в Тульскую оружейную канцелярию был приведен шпажный полерщик К.А. Антюфеев, оставленный в ней под караулом за пьянство и другие «непотребные» поступки. К 11 апреля касавшееся его разбирательство закончилось; в этот день его уже наказывали (плетьми)²⁹. Во время наказания Антюфеев «сказал за собою слово и дело государево».

Произнесение заковыченных слов означало, что заявителю известны факты, относящиеся к государственным преступлениям по так называемым «первым двум пунктам». Их содержание закон от 10 апреля 1730 г. (действовавший и в середине столетия) излагал следующим образом: «1) Ежели кто каким умышлением учнут мыслить на наше императорское здоровье злое дело, или персону и честь нашего величества злыми и вредительными словами поносить. 2) О бунте и измене, сие разумеется: буде кто за кем подлинно уведает бунт или измену против нас или государства»³⁰. Расследованием таких дел в разное время занимались разные учреждения. В 1750-х гг. им ведало воссозданная именным указом от 24 марта 1731 г. специальная Тайная розыскных дел канцелярия³¹ (она же Канцелярия тайных розыскных дел). Поскольку нередко случалось, что наказываемые произносили слово и дело только из желания остановить наказание, то по тому же указу 1730 г. положено было их сначала секретно расспросить и, «в какой силе то слово и дело состоит, объявить важныя первой и второй пункты»³². Антюфееву их объявили. Тот отвечал туманно: «По оным первому и второму пунктам за собою и ни за кем не знаю, а слово и дело государево имею, а отослан бы был куда надлежит — было б что тамо говорить»³³. В Оружейной канцелярии задумались. Решили было, согласно указу от 10 апреля 1730 г., отослать доносителя в Тульскую провинциальную канцелярию с тем, чтобы оттуда, уточнив конкретный пункт обвинений, или отослали его в Сенат, или занимались далее самостоятельно. Уже подготовили соответствующий указ в провинциальную канцелярию³⁴, но скоро изменили решение, вероятно, осознав, что после восстановления Тайной канцелярии эта процедурная норма утратила силу.

Занялись организацией посылки Антюфеева в Тайную канцелярию. Решили отправить с ним, закованным в ручные и ножные кандалы, капрала и четырех (!) конвойных. Организация этой экспедиции (до Москвы 182 версты) по расчету должна была обойтись казне в 2 рубля 91 копейку³⁵. Капралу выдали инструкцию: следовать с великим поспешением, в пути смотреть накрепко, солдатам иметь денный и ночной караул, чтобы колодник не мог учинить побега³⁶. Довезя, 16 апреля сдали Антюфеева в предписанное учреждение, которым были отпущены «по-прежнему х команде»³⁷.

Разбирательство по делу Антюфеева провели в рекордно короткий срок, из чего однозначно заключаем, что сказать ему было нечего. Наказав плетьми, уже 17 апреля его освободили, отпустив с паспортом в оружейную канцелярию «к должности ево»³⁸. 26-го та рассматривала, что с ним делать дальше³⁹. Поскольку

«оной Антюфеев уже в неоднократных продерзостях бывал», было решено «для воздержания» отправить его в работу на Тульские оружейные заводы в ствольные вертельщики на задельные деньги. Приставить его к той работе было определено поручику Михаилу Звягину. Чтоб он впредь «продерзостей чинить не дерзал — в том его обязать подпискою... с крепким подтверждением, а сверх того над ним надсматривание иметь»⁴⁰. Соответствующий указ Звягину⁴¹ подготовили в Оружейной канцелярии уже на следующий день. Тогда же Антюфеев, теперь уже ствольный вертельщик, дал требуемое от него обязательство (что «впредь противных указом продерзостей чинить не будет»), в котором собственноручно подписался. Этим делопроизводство по данному эпизоду заканчивается.

«И быть ему с протчими вертелщиками при той работе» — такое будущее определил для Козьмы Антюфеева указ Оружейной канцелярии от 26 апреля 1755 г.⁴² Будущее не заставило себя ждать. В датируемой временем между 2 и 24 апреля 1757 г. «Ведомости, коликое число положено на имеющихся при заводах мастеровых людей сделать в каждые сутки уроку...», в разделе, перечисляющем вертельщиков, парами обслуживавших станы вертельной машины Верхнего завода, на 24 месте значится наш Казма Антюфеев. Документ подписан знакомым нам Михаилом Звягиным⁴³.

Превращение шпажного полерщика в заводского работника было для казенного кузнеца безусловным понижением статуса. Мастера-оружейники (специалисты) на заводе в это время работать избегали и, как правило, не работали. Работать на нем набирали малоквалифицированный персонал. Перемещение в эту среду мастера было наказанием. Наказанием, которое на этот раз выпало Антюфееву.

История, что и говорить, протенькая. Что может повсдать она о Козьме Антюфееве? Какие черты характера высвечивает? Немногие, но характеризующие его довольно определенно и не с лучшей стороны: пьяница, «продерзостный» и т.д. Кажется, с узким кругозором и недалекого ума — не осознавал, чем кончится голословное объявление слова и дела. (Можно думать, если бы не объявил, претерпев наказание, остался бы полерщиком.)

И *такие* типы рождались в среде Тульской оружейной слободы. В том числе, те, в крови которых была частичка демидовской крови.

¹ Афремов И.Ф. Историческое обозрение Тульской губернии // Афремов И.Ф. Собрание сочинений / Ред.-сост. Н.К. Фомин. Тула, 2008. С. 292.

² Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1874. С. 206—207. Текстуально близкая фраза присутствует в кн: Головищikov К.Д. Род дворян Демидовых. Ярославль, 1881. С. 2.

³ Русский архив. 1873. № 11. С. 2213—2214.

⁴ Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII — XIX вв. Опыт исследования по истории уральской металлургии. Т. 1. М.; Л., 1949. С. 85.

⁵ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. 2. Год 1712-й. Кн. 1 (январь — июль). С. 354.

⁶ Там же. С. 355.

⁷ Там же.

⁸ Ответчиком чуть выше назван Никита Демидов, соответственно, речь идет о жене или Н.Д., или Н.Н. Демидова.

⁹ Доклады и приговоры... С. 355.

¹⁰ Юркин И.Н. Демидовы: Столетие побед. М., 2012. С. 22.

¹¹ В нашем распоряжении имеется единственный, может быть, противоречащий этому утверждению факт. На уральских и алтайских заводах Никиты и Акинфия Демидовых (конкретно на Верхнетагильском, Невьянском и Колывано-Воскресенском) в 1723–1733 гг. служил некто Гаврила Ефтифиев (РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 841. Л. 298, 303), который, не исключая, мог принадлежать к роду тульских Антюфеевых. Но исключения, как известно, лишь подтверждают правило.

- ¹² Доклады и приговоры... С. 356.
- ¹³ В публикуемом по копии определении употреблена форма фамилии *Антифеев*. Считая ее вариацией, используем в заголовке базовую.
- ¹⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 5. № 3464.
- ¹⁵ Трофимов С.В. Новые данные о происхождении Демидовых // Материалы 1-й Уральской родоведческой научно-практической конференции (15-16 ноября 2001 г., Екатеринбург). Екатеринбург, 2003. С. 133–139.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Юркин И.Н. Абрам Булыгин: чудности, vessлости, «непонятная философия»... Тула, 1994. С. 45–46.
- ¹⁸ Юркин И.Н. Демидовы — ученые, инженеры, организаторы науки и производства: Опыт науковедческой просопографии. М., 2001. С. 51; Юркин И.Н. Демидовы: Столетие побед. С. 169.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1400. Л. 113об.—114.
- ²⁰ В отличие от *домны* (металлургической печи, в которой выплавляли чугуны), *домней* или *домницей* в это время обычно называли сыродутный «ручной» горн.
- ²¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1400. Л. 117об.—118.
- ²² Там же. Кн. 1071. Л. 610—612.
- ²³ Там же. Л. 610.
- ²⁴ Используем данные, приведенные в табл. 8 в кн.: Струмилин С.Г. Избранные произведения. История черной металлургии в СССР. М., 1967. С. 34.
- ²⁵ Тула. Материалы для истории города XVI — XVIII столетий. М., 1884. С. 208.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Кн. 3669. Л. 27об.
- ²⁷ Тула. Материалы... С. 209.
- ²⁸ ГАТО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 172. Л. 1391об.—1392.
- ²⁹ Там же. Ф. 187. Оп. 1. Д. 83. Л. 3.
- ³⁰ Цит. по: Курукин И.В., Никулина Е.А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М., 2008. С. 48.
- ³¹ Там же. С. 49.
- ³² ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 83. Л. 1.
- ³³ Там же. Л. 2.
- ³⁴ Там же. Л. 19–20.
- ³⁵ Там же. Л. 6.
- ³⁶ Там же. Л. 6об.
- ³⁷ Там же. Л. 11.
- ³⁸ Там же. Л. 8.
- ³⁹ Там же. Л. 12.
- ⁴⁰ Там же. Л. 12–12об.
- ⁴¹ Там же. Л. 14–15.
- ⁴² Там же. Л. 12.
- ⁴³ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 94. Л. 9об.

